

«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»: РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА-ОРГАНИЗАЦИИ*

Александр Иванович Неклесса
Институт Африки РАН

«Исламское государство» (ИГ)¹ – своеобразный симулякр с головокружительной ретроспективой. Динамичная, территориально распределенная реальность ИГ, не являясь национальной государственностью, может рассматриваться как неоархаичный и одновременно постсовременный извод государства-организации. В согласии с канонами общества спектакля его эластичная плоть интерпретируется также как социальный демарш против меланхолии цивилизации – реконструкция агрессивно-эскапистских грез в стилистике à la «Дюна».

«Исламское государство» как легальная манифестация экстремистских исламистских практик, политически и отчасти территориально обустроенная в государственном формате, очевидным образом не является характерным для Нового времени типом государственности (nation-state). Цель исследования: определение архетипа этой специфичной государственности, поиск типологически схожих политконструкций, опознание ее возможных исторических аналогов с выделением общего и особенного. Гипотеза исследования: ИГ/ИГИЛ/ДАИШ – постсовременный/неоархаичный извод феномена государства-организации, реализованный в новом историческом контексте. Характерные черты подобной государственности: претензия на обладание истиной и обязательная государственная идеология (тоталитаризм); авторитарная и замкнутая структура власти (номенклатура); уни-

* Статья написана на основании доклада на Международном экономическом форуме (Крыница-Здруй, Польша, 4–6 сентября 2018 г.).

¹ «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ) – организация, признанная террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – Прим. ред.

версальность устремлений и глобальность притязаний (экспансионизм); фанатизм, культ силы и лидера, ксенофобия, крайние формы принуждения и наказания, преследования инакомыслящих; уничтожение наследия, ценностей и артефактов иных культур. Различного рода травматические инклюзии в политическом космосе современности, обладая частичным набором данных черт, представляют феномен в становлении с той или иной степенью завершенности. Образцы государства-организации и близких к нему конструкций: а) в исламской культуре: распределенная государственность низаритов (хашишийя); б) в христианской культуре – локальная государственность Мюнстерской коммуны; в) в национальном движении – парагосударственность ихэтуаней; г) в секулярной культуре – гибридный конструкт «Мировая социалистическая советская республика»; д) в современном мироустройстве – травматическая инклюзия ОРДЛО (Донбасс, Украина).

«Исламское государство» – это также своеобразный постмодернистский акт. Активизм, футуристичность, элементы франчайзинга и «исламистского коммунизма», – все это находит отклик у людей, фрустрированных и травмированных современностью. Эксплуатируя активы «ресурса смерти», макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, тревожений New Age, верифицирует свой статус миражами исторического прорыва с отличными от мейнстрима картами будущего. Продвижение к универсальному джихаду прочитывается как личностный и социальный переворот, сакрально мотивированное обновление собственной судьбы и траекторий мира.

Мы не нанесли поражения идее, мы даже не понимаем эту идею.

Майкл Нагата, командующий USASAF на Ближнем Востоке

Афразийская зона нестабильности², смуга Большого Ближнего Востока перерастают региональные рамки, формируя иной геополитический пейзаж и лексикон. В актуальной сирийской комбинаторике, к примеру, так или иначе соучаствуют несколько десятков

² Подробнее об Афразийской зоне нестабильности см.: Коротаяев, Исаев 2014; Коротаяев и др. 2014; 2015; Korotayev *et al.* 2016.

субъектов международных отношений со всех континентов. Кроме того, меняется сугубо географическое прочтение процесса, обретающего новые измерения. Заметен кризис прежней формулы размежевания региона в пользу этноконфессионального распределения территорий. Все это наиболее ярко проявилось в калейдоскопе ИГ, иракско-сирийские руины и *ингияз* («временное отступление») которого – повод задуматься о перспективе, ретроспективе и сути данного явления.

«Исламское государство» – своего рода гордиев узел: матрица идентичности и политический феномен с неопределенным статусом, дополненный конъюнктурными геоэкономическими обстоятельствами. «Когда мы говорим об ИГ, нам не следует думать исключительно о долине реки Евфрат – это глобальная проблема. Мы воспринимаем ИГ в глобальном масштабе, и в таком контексте остатки физического халифата представляют собой лишь одно из его проявлений», – констатировал на одном из брифингов генерал Кеннет Маккензи, представитель Комитета начальников штабов ВС США (ИТАР-ТАСС 2018). Действительно, ИГ – это не просто разветвленная подпольная организация наподобие «Аль-Каиды»³, а специфический вселенский агрегатор – сложное сплетение явлений, намерений и ситуаций, рабочая модель некоей постсовременной государственности как политически организованного сообщества, обоснованного волеизъявлением, а не территорией. Рано или поздно нечто подобное должно было появиться и в исламских одеждах.

Эта страна – существующая поверх границ динамичная совокупность людей, объединенных совпадающими помыслами и целями. Видимая часть комплексной конструкции, ее мигрирующая манифестация – распределенное множество территориально зыбких, протееобразных, но властно, милитарно и логистически организованных вилятов (*knots*), лояльных подвижному центру (*nexus*). К региональным архипелагам-сцеплениям, эклектичным конъюнктурным союзам (*hubs*) примыкают «серые» зоны идеологической оккупации, многообразные мобильные взаимосвязи, виртуальные и антропологические сети (*nets*), «спящие ячейки», невидимые бригады (*nests*), скрытые в волнах мигрантов и беженцев, растекаю-

³ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

щихся по планете, иницируя образования (*startups*) с различной судьбой в разных частях планеты⁴. Трансграничное население конфессионально и политически сопряженной «параллельной общности» обитает в рамках собственного понимания долженствований истории. Их моделирование практики – вне кокона политкорректности и воплощается в прямом действии: предъявлении *urbi et orbi* не опыта критической рефлексии, но провокативной, лишенной сантиментов акции.

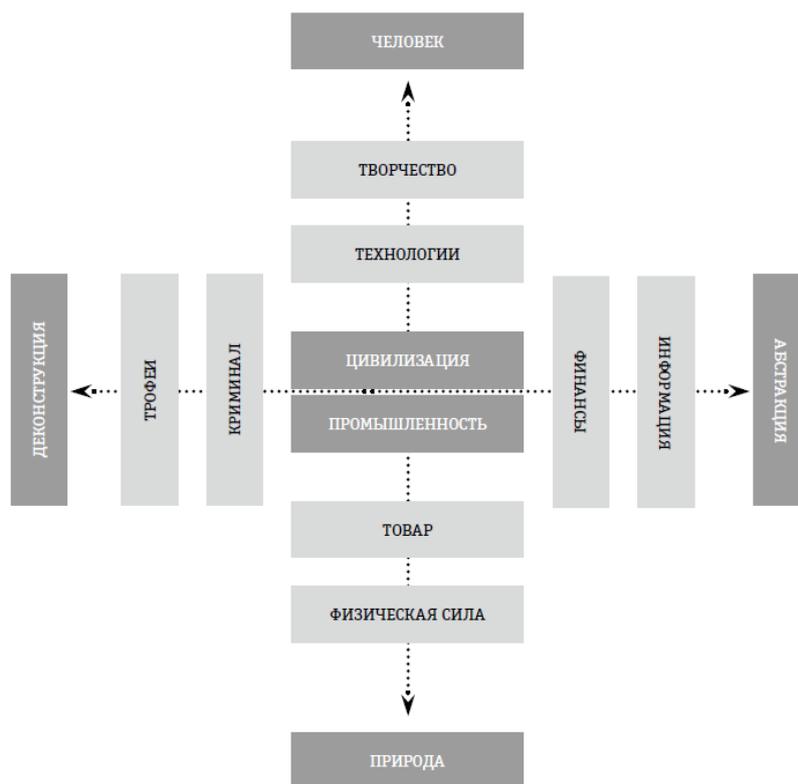
Впечатляют «тефлоновый» характер феномена, его эволюционные возможности, вирулентная природа – способность к выживанию и клонированию, трансформации и адаптации, растворению и конденсации. Колоссальные усилия по санации очевидным образом приносят результат, но, подобно лернейской гидре, вместо одной зачищенной территории образуются новые, возникая порой в дальних регионах и на других континентах. При этом деятельный фундаментализм ИГ обращен все-таки не столько на реабилитацию прошлого, сколько на реконструкцию будущего.

«Халифат в изгнании» как идея, имеющая основания, но лишенная привычных форм воплощения, способен перестроить региональное *государство-организацию* в сложноорганизованное трансграничное *государство-предприятие*, владеющее крупными нематериальными активами (кадровым, интеллектуальным, социальным, символическим и культурным капиталом), обладающее зонтичным брендом и применяющее агрессивные технологии серого/черного бизнеса.

В каком-то смысле универсальная идеократическая государственность – это бродячий сюжет истории, у которого, однако, в

⁴ Интересен в этой связи иной по характеру, но в некоторых типологических аспектах схожий исторический опыт Польского подпольного государства (ППГ), эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации. «Делегатура правительства на Родине» сумела привить обществу существенные элементы структурированной гражданской организации, соединив автономную от оккупационных властей социальную самоорганизацию с параллельной властной ее организацией, создав при этом деятельные формы специфического противостояния оккупационному режиму. Отдельные черты феномена проявились впоследствии при формировании движения «Солидарность» и даже в «оранжевой», «потешной» феноменологии Вроцлава (связанной также с голландским контркультурным опытом), в свою очередь стилистически повлиявшей на «оранжевую революцию» на Украине.

эпоху перемен открылись дополнительные возможности. ИГ сформировалось скорее как своеобразный продукт глобализации, вступивший в конкуренцию за «призовые места» в новом веке с другими версиями цивилизационных ориентиров и постсовременных политических институтов (см. рисунок), контрастируя и конфликтуя при этом с национально ориентированными исламистскими движениями. Свое актуальное состояние после разгрома в Ираке и Сирии ИГ определяет как *ингияз* – временное отступление и переосмысление накопленного опыта перед грядущими метаморфозами. Распределенная структура феномена позволяет ему также более обстоятельно осваивать иные ареалы и виды деятельности, интегрируя в своих рядах разнообразный протестный потенциал.

Компас истории («Четыре всадника»).
Предельные рубежи цивилизационного транзита

Спектр «продукции-деструкции» комплексной корпорации может расширяться за счет безжалостного применения кибероружия, аутсорсинговой модели *uber*-терроризма, синхронизации операций кадровых *ингимаси* («исламистский спецназ») и *истишхади* с массовыми действиями внешних и спонтанных «солдат халифата» как антропологического оружия. Возможны новые формы использования гражданских средств и предметов двойного назначения, стай автономных и беспилотных механизмов, мотивирующей аудио-/видеомедийной пропаганды (чувственной, объемной виртуализации идей) и нетаргетированных смысловых продуктов с отложенными эхо-эффектами. Или, к примеру, культур-шока как стратегии уничтожения культурного наследия, но уже не в Афганистане, Пальмире или Мосуле, а непосредственно на территориях евромира, подрыв символического капитала современной цивилизации. Обретение же экстремистами-футуристами высокотехнологичных инструментов, перманентно производимых техногенной цивилизацией, модификаций ОМП либо аналогичных по мощи средств при отсутствии у ИГ стандартных опасений относительно ответного удара способно существенно повлиять на режим безопасности на планете и характеристики силового противостояния в целом.

Война менее других искусств подвержена иллюзиям и более других нацелена на результат, это особый взгляд на реальность. Параллельным проектом могло бы стать создание автономной, легальной, но фактически дочерней структуры (версии, крыла) с частичным применением опыта организационной динамики ИРА, ЭТА или «Хизб ут-Тахрир»⁵. Распределенное множество лояльных идей/центру идеолого-культурных сообществ, вписанных в юридические порядки современности, но так или иначе включенных в мозаику «Исламского государства», дополняют военно-политический конструктивизм. Подобное глобальное предприятие, подкрепленное социальным сопряжением (виртуальным квазигражданством), может конкурировать с другими «большими проектами» за значимое присутствие в складывающемся постсовременном строе.

⁵ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

Неоархаика в сценографии постмодерна

Как это ни парадоксально, суть феномена помогают прояснить «темные строки истории», позволяя также точнее моделировать футуристические горизонты.

Ислам плохо сочетается с идеей национальной государственности – продуктом иной эпохи и культуры. Динамичная, территориально распределенная реальность «Исламского государства» не является характерным для Нового времени форматом *nation-state*, по своему отражая кризис данного института. ИГ может рассматриваться как неоархаичный и одновременно постсовременный извод особой политконструкции – государства-организации, чьи характерные черты: обязательная к исповеданию конфессия или идеология, утверждаемая властной номенклатурой; культ лидера; утопизм претензий и глобальность притязаний; нетерпимость к инакомыслию, преследование диссидентов; уничтожение наследия иных культур.

Возникающие на геополитически нестабильных пространствах (*limitrophus, shatterbelt*) в разрывах политического текста *травматические инклюзии* (Неклесса 2015: 280) проявляют подобные тенденции и, обладая частичным набором данных черт, представляют феномен в становлении с различной степенью завершенности. Взаимоотношения же с внешним миром не ограничиваются охранительным консерватизмом, демонстрируя подчас наступательный футуризм. Новые политические конструкты предстают и как образцы постсовременного универсализма, равнодушного к территориальной верификации собственной значимости, и в виде неоархаичных полигонов суверенности, демонстрирующих худшие черты насильственного утверждения тех или иных грез о судьбах мира.

«Исламское государство» – впечатляющий вызов современным ценностям, однако, что не вполне очевидно, это еще и своеобразный религиозно-революционный акт постмодернистской кооперации в преобразовании мира (джихад как соборное усилие, направленное на обновление в соответствии с конфессиональным идеалом). В согласии с канонами общества спектакля эластичная реальность ИГ может интерпретироваться: как (1) квазиисторический симулякр с головокружительной ретроспективой; (2) социальный демарш против меланхолии цивилизации – своего рода «творимая

легенда», реконструкция агрессивно-эскапистских грез в стилистике à la «Дюна»⁶ («фримены, свободные от лжи и иллюзий», «быть частью чего-то большего», «сражаться за что-то») (Cottee 2015). Присущие ИГ активизм, акционизм, футуристичность, элементы франчайзинга, «исламистского коммунизма» вкупе со спорадически вылетающими из его чертогов «черными лебедями» – все это находит отклик у людей, фрустрированных современностью, особенно молодежи (*Ibid.*). Деятельная метафизичность устремлений, наличие значимой цели, коллективная суверенность и субъектность оказываются предпочтительней участи прагматичного индивиду-объекта⁷.

Макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, треволений Нового века, схожим образом верифицировала свой статус миражами исторического прорыва, предъявив свой путь в будущее. «Зеленый ковчег» мыслится симпатизантами и прозелитами как исход из постылого существования – экзистенциальный опыт и конвертация отчуждения в преобразующее мир культур-конфессиональное сообщество, обладающее отличными от мейн-стрима картами футур-истории. Синтез влиятельной, массовой инициативы, невостребованных или исключенных из оборота талантов с отвращением-притяжением к обществу гламура сублимирует отверженность в избранность, изгойство – в индивидуальный героизм, маргинальность – в холодок фронта. Продвижение к универсальному джихаду прочитывается как личностный и социальный переворот, битва за будущее, сакрально мотивированное обновление собственной судьбы и траекторий ойкумены. А все более осязаемый гностический привкус жесткого разделения людей на избранных и отверженных достигает тем временем апофеоза,

⁶ Как пишет пользователь *Twitter* с ником *Bint Emergent*: «Суть такова, “Исламское государство” – это классическая жертва несправедливости из области научной фантастики, которая, несмотря ни на что, сражается с кажущейся непобедимой империей зла Америкой – и, в лучших традициях научной фантастики, *они побеждают*» (Cottee 2015).

⁷ «...У ИГ бездонный источник для вербовки молодежи на следующие 35 лет, и, как говорит ИГ, битва только началась. Вы Не Готовы» (*Ibid.*).

меняясь и мигрируя от презрительного уничтожения «других» к практике их физического уничтожения.

Соединение постсекулярных претензий с атмосферой постсовременного креационизма стимулировало рост иностранцев-боевиков в рядах ИГ. Перед иракским и левантийским разгромом их численность оценивалась примерно в 30 тыс. человек⁸ из 86 стран, включая примерно 5 тыс. из России⁹. В противоположном направлении устремлен людской поток преимущественно из Сирии и Северной Африки, вливший за последние годы на территории Старого Света несколько миллионов беженцев.

Являясь вирусным проектом и контркультурным фетишем, реализованным в исламоориентированной среде, но с универсальным потенциалом, ИГ оказывается субъектом эволюционной конкуренции прототипов постсовременной наднациональной организации. Обладая зонтичным брендом интегральной субъектности и коммуникации, ИГ получает шанс стать трансграничным геокультурным предприятием, амбициозной глобальной корпорацией, обладающей эффективными мобилизационными кодами, социальной и культурной перспективой, не слишком зависимой от реалий конкретного «Исламского государства» и его будущей судьбы.

Воплощение утопий

Феномен ИГ в значительной мере исламский постольку, поскольку реализуется в исламском мире и анализируется соответствующим образом. Но экзотичная оболочка подчас скрывает существенные черты, опознание которых – задача аналитики. Ретроспективный анализ, рассматривая аналогичные в чем-то процессы, разыгранные историей на других подмостках и в иных одеждах как кейсы бродячего сюжета, позволяет четче формулировать предположения и точнее фокусировать прогнозы.

⁸ Данные аналитического центра *Soufan Group* на 2015 г. (ИТАР-ТАСС 2015).

⁹ «...Число завербованных граждан России в состав ИГИЛ оценивается в 5–7 тыс. человек <...> В отчете международной кризисной группы от 2014 г. предполагается, что число жителей стран Средней Азии в рядах ИГИЛ оценивается в 2–4 тыс. человек» (Холзода 2015). Аналогичную цифру приводит в своих выступлениях председатель программы «Религия, общество и безопасность» Московского центра Карнеги Алексей Малашенко: «...там очень много кавказцев, много выходцев из России, – от 5 до 7 тыс.» (Радио Свобода 2015).

Генезис больших исторических проектов нередко совмещался с попытками воплотить утопию как идеологическую оккупацию, реализуемую посредством организованного насилия. Именно утопизм как нереализуемость идеи стимулирует экстремизм, стремясь любой ценой к земной реализации идеала. Утопия принуждает, приучает к насилию и оправдывает его, привычка же к насилию утверждает тиранию – так химеры и монстры обретают власть. Транслированная в партийность утопия становится обоснованием и средством легитимации тоталитарной структуры управления.

Сопрягая спотыкающуюся устремленность к торжеству идеала с нетерпимостью к иным воззрениям, утопизм порождает химеры. Его адепты, подобно Виктору Франкенштейну, пытались сшить идеальное тело из отторгнутой, конфискованной плоти многочисленных жертв, декларируя фальшь и уничтожая «враждебных других» той или иной природы.

Взрывчатая смесь фрустрированной мысли и футуристичной практики возникала в различных обществах, объем текста позволяет упомянуть лишь несколько «пустот, которые зло создает в наших сердцах и нашей истории»¹⁰, относящихся к разным регионам и культурам. В списке *конфессионально ориентированных утопий*, вероятно, следует упомянуть своеобразное сетевое государство (1090–1256) – авторитарную коммуну ордена ассасинов (*низаритов-хашишийа*), организация и действия которого содержат яркие параллели с практикой «Исламского государства»¹¹. Однако

¹⁰ Папа Франциск: «Там, где нет памяти, зло все еще держит рану открытой» (Радио Ватикана 2015).

¹¹ Вот популярное, но концентрированное описание истоков и практики данного конфессионально-политического проекта: «Хасан I (Хасан ибн Ас-Саббах. – А. Н.) фактически создал государство, просуществовавшее до 1256 г. Он установил в Аламуте для всех без исключения суровый образ жизни. Первым делом демонстративно, во время мусульманского поста Рамадан, отменил на территории своего государства все законы шариата. За малейшее отступление грозила смертная казнь. Он наложил строжайший запрет на любое проявление роскоши. Ограничения касались всего: пиров, потешной охоты, внутреннего убранства домов, дорогих нарядов и т. п. Суть сводилась к тому, что в богатстве терялся всякий смысл. Зачем оно нужно, если его нельзя использовать? На первых этапах существования Аламутского государства Хасану I удалось создать нечто, похожее на средневековую утопию, которой не знал исламский мир и о которой даже не задумывались европейские мыслители того времени. Таким образом, он

феномен утопичной парарелигиозной государственности не является исключительным достоянием исламского культурного круга. Так, например, заря Реформации в *Universum Christianum* была схожим образом окрашена утопизмом в кровавых тонах: табориты Яна Жижки и пикарты, движение Башмака, Крестьянская война в Германии...

Ряд характерных черт теократической государственности *Исламского государства* можно разглядеть в истории становления и упадка *Анабаптистского государства (Täuferreich)* – Мюнстерской коммуны (1534–1535), соединившей местных и пришлых единоверцев с тоскующими о будущем изгоями и неопитами, привлеченными радикальностью переворота. «Новый Сион» с харизматичными лидерами (*пророками*), идеологическими комиссарами (*апостолами*), организаторами (*конспираторами*), пропагандистами (*проповедниками*) провозглашался «реституцией христианского учения, веры и жизни». Возникло теологическое и политическое предприятие, предложившее радикальное и одновременно редуцированное решение проблем земного мироустройства в виде Христианского царства (*Christendom*) как версии «халифата» во главе с земным правителем.

Мюнстер стал городом-государством, инспирировавшим множество подвижных филиалов, связанных воедино пропагандой строительства Царства Божия на земле и претензией на глобальную власть: его эмблемой был земной шар со скрещенными мечами. По мере извлечения моральных стержней из человеческого реактора планировались восстания в других городах, множились автономные вооруженные бригады, велась пропаганда и вербовка сторонников во внешнем мире параллельно с истреблением «безбожников» и чистками во внутреннем круге. Заодно уничтожались «неправильные» религиозные и культурные объекты: храмы, скульптуры, картины, книги, рукописи. Вводились специфические институты: общность имущества и многоженство (при обязатель-

фактически свел на нет разницу между низшими и высшими слоями общества. По мнению некоторых историков, государство исмаилитов-низаритов сильно напоминало коммуну, с той лишь разницей, что власть в ней принадлежала не общему совету вольных тружеников, а авторитарному духовному лидеру-вождю» (Головкин, Петропавловский 2010: 74).

ности замужества), практиковалась смена имен на изобретаемые новые, ставились публичные агитационные спектакли, проводились демонстрационные казни. Происходило испытание альтернативного будущего, создаваемого насилием в искаженной, все более деформируемой среде. Кстати, в событиях тех дней заметны и некоторые общие черты с эксцессами грядущей Французской революции.

Размышляя о параллелях, связанных с *национальными движениями и отрицанием западной культуры*, можно вспомнить возникшее на пороге прошлого столетия в колонизируемом и балканизуемом Китае движение ихэтуаней (*ихэцюань* – «кулак во имя справедливости и согласия»). Пронизанный магизмом и фанатизмом людской поток, адаптировав под свои нужды религиозно-мистические ритуалы, заимствованные у традиционных сект, охватил тогда огромную территорию, в какой-то момент восставшие фактически овладели имперской столицей. Сеть подпольных ячеек и боевых отрядов превратилась в легальную военно-политическую конструкцию, особенно после достижения договоренностей с официальной властью – правительством императрицы Цыси. Объединяющим признаком пестрого мистико-националистического сообщества полевых командиров, напоминающего нынешние антиевропейские изводы наподобие «Боко харам»¹², была активная неприязнь ко всему иностранному и массовое, поголовное уничтожение иноверцев-христиан независимо от этнического происхождения. Процесс, однако, не достиг логического завершения, будучи прерван усилиями военной коалиции восьми стран Запада и Востока.

О своем видении исторических горизонтов заявила в начале XX в. группа отцов-основателей квазирелигиозной, *идеологически мотивированной утопии* – футуристичного образования потенциально глобальных пропорций, целью которого было «объединение трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» (Конституция... 1924)¹³. И, как в случае с ИГИЛ, сила

¹² Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

¹³ «...Новое союзное государство... послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех

универсальной идеи превосходит усеченную форму ее конкретной реализации.

Миражи новой эры быстро окрасились в багровые тона. На территории бывшей Российской империи утвердился режим с обязательной к исповеданию гражданской религией, суверенной системой ценностей и специфической моралью. Тоталитарная конструкция управлялась политическим оксюмороном – *единственной партией* в качестве «ядра государственных организаций» (Конституция... 1936)¹⁴. Практика красного террора, унаследовав худшие черты якобинской диктатуры, придала репрессиям больший масштаб и обезличенный характер, направленный на сей раз против «буржуазных элементов». А с течением времени вовлекла в гибельную воронку и другие социальные группы, национальные сообщества (Земсков 1995: 118)¹⁵. В период Большого террора сотни тысяч были расстреляны вообще без судопроизводства «в порядке административного проведения дел через тройки» согласно региональным лимитам (Охотин, Рогинский 2007).

Перечень политорганизмов, внедрявших «новую нормальность», физически и морально уничтожая людей, диссонирующих с очередной утопией, данными примерами не исчерпывается. Достаточно вспомнить практику эвтаназии и холокост в летописи *Ordnung*'а, вычеркнутого из истории антигитлеровской коалицией. Или эксперимент красных кхмеров по воплощению «стопроцентного коммунистического общества», прерванный интервенцией внешней силы (армии Вьетнама).

стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» (раздел первый Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик).

¹⁴ [Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) представляет] «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126 раздела «Основные права и обязанности граждан»).

¹⁵ В течение 16 месяцев Большого террора (с августа 1937 по ноябрь 1938 г.), по данным комиссии под председательством П. Н. Поспелова (1956 г.), по политическим мотивам было арестовано 1 548 366 человек, приговорены к расстрелу 681 692 человека. В. Н. Земсков на основании собственных исследований уточняет: «...по документально подтвержденным данным, в 1937–1938 гг. по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692 приговорено к высшей мере» (Земсков 1995).

Токсичная государственность

Социальная вселенная переживает транзит в неравновесное и, возможно, перманентно подвижное состояние. Трансформируется система мировых связей, появляются слабоформализованные игроки, состязаются инновационные формы организации (Неклесса 2018: 80). Многолюдный мир предполагает умножение факторов, субъектов, проектов, которые взаимодействуют, конфликтуют между собой¹⁶.

Расширилась номенклатура внешнеполитических организмов: мировые регулирующие органы, межгосударственные и надгосударственные структуры, страны-системы, государства-корпорации, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования, корпоративные государства и государства-корпорации, организации с подвижными границами, геоэкономические интегрии, влиятельные сообщества, конституирующие де-факто новый тип политорганов – власть вне привычных форм государственности. Обновляются международные регистры: к размежеванию на страны развитые и развивающиеся добавились другие оценочные категории: государство несостоявшееся, хрупкое, мафиозное, государство-изгой и т. д. Предельные рубежи складывающейся системы: постсовременное трансграничное сообщество (Новый Север) и территории неоархаизации (Глубокий Юг), отмеченные метастазами культуры смерти и контролируемые полевыми командирами, живущими за счет трофейной экономики.

Один из векторов глобальной трансформации – субсидиарность: добровольное разделение или вынужденное делегирование полномочий на региональный либо местный уровень. В цивилизованных формах это повышение статуса автономий: Шотландии, Квебека, Басконии и т. п. Другое проявление децентрализации – радикальный сепаратизм: появление государств с непризнанным или ограниченно признанным суверенитетом. На территории пост-

¹⁶ Актуальный пример – сирийская коллизия: поле взаимной конфронтации и переплетающихся инициатив более дюжины активно действующих политических субъектов, преследующих свои цели (режим Асада, мозаика сирийской оппозиции, джихадисты, курдские национальные движения, «Хезболла», ИГ, Иран, Израиль, Турция, Россия, участники коалиции под эгидой США).

советского пространства их список не так уж мал, включая Абхазию, Южную Осетию, Карабах, Приднестровье, ДНР, ЛНР.

В XX в. феномен государства-организации пережил расцвет как следствие этатистской эмансипации: демонтаж континентальных империй произвел на свет множество национальных государств, в которых партийный аппарат, руководивший борьбой, получал доступ к власти. Версальский мироустроительный эксперимент создал от Балтики до Черноморского побережья и далее к Адриатике геополитический пейзаж с дюжиной новых стран, протянувшихся цепочкой от Финляндии до сообщества балканских наций. В Афразийской зоне рождение национальных государств было предопределено чересполосицей подмандатных территорий. Следующим актом исторической драмы уже после Второй мировой войны стала деколонизация морских империй. Осколки постимперской сумятицы порою настигал особый, «девятый» вал деконструкции, они оказывались во власти догоняющих волн этнонациональных конфликтов, разрушавших на сей раз локальных империалистов. Состоявшееся национальное государство сковывает подобные тенденции, формируя политическую нацию, кризис идентичности высвобождает их.

Провалы в государственном строительстве, смыкаясь с трещинами мироустройства, могут вести к ограниченным обрушениям цивилизации. Травматические инклюзии опознаются не только в исторической ретроспективе, но и в актуальном миростроительстве. Вспоминается драма распавшейся в 1990-е гг. Югославии – наследницы постимперской чересполосицы лимитрофов Австро-Венгерской и Османской империй. Боевые действия, геноцид, деструкция были остановлены внешними усилиями, в том числе на основе Дейтонских соглашений, предполагавших активную пацификацию. А затем, в случае с Косово, путем применения и более серьезных мер военного характера, итогом чего стало окончательное умиротворение Балканского региона.

Издержки национального строительства, постимперские грезы об утраченном, ирредентизм – это одна сторона политического творчества и государственного строительства. Не менее живучими, устремленными в будущее оказываются перипетии конфессиональных или идеологических кодов универсального толка (то есть

«халифатов», а не «султанатов»). Модель «Исламского государства» (ИГ), возникшего на *постосманских* территориях, можно сравнить, к примеру, с миражом Новороссии в *постсоветском* космосе, схожим образом привлекавшим извне прозелитов и симпатизантов. Действительно, начальный период дирижируемого процесса, демонстративно ориентированного на утопию «Советского Беловодья», содержит ряд аллюзий с теорией и практикой ИГ. Однако перерождение имперско-советского гибрида «русской весны», ставшего инструментом геополитических амбиций и полигоном неоархаичной государственности, произошло за короткий срок, заместившись характерными для непризнанных образований правовыми деформациями и коррупционно-криминальной активностью. Начальный состав идейно мотивированных лидеров был изгнан, отозван, коррумпирован или уничтожен (приход к власти под конфессиональными/идеологическими лозунгами на стадии государственного строительства нередко оборачивается в той или иной форме «ночью длинных ножей»), а продекларированные идеалы, ностальгические устремления оказались сырьем для демагогии, пропаганды и военно-конструктивистских манипуляций.

Список специфических черт «пузырей земли», как правило, включает следующие:

- фундаменталистское/постмодернистское прочтение традиции, парадоксальный идеологический футуризм или религиозный утопизм;
- подвижные границы контролируемых территорий, инволюция к дробящимся сообществам, этно-/конфессионально ориентированным городам-государствам;
- социальная инволюция и неоархаизация, культурная инверсия и цивилизационная эклектика, аксиологический кризис;
- уничтожение «неправильного» культурного наследия;
- использование захваченной инфраструктуры, производственных и финансовых активов, технологий, бюрократического аппарата;
- трофейная экономика как основа жизнедеятельности, логистическая всеядность, коррупция;
- перманентное ведение иррегулярных боевых действий различной интенсивности при несоблюдении законов войны и неразборчивости в отношении атакуемых целей, применяемых средств,

включая средства с непредсказуемым и потенциально катастрофическим результатом («черные лебеди»);

- политическое и вооруженное противоборство конфликтующих полевых командиров;

- пытки и казни военнопленных, заключенных, заложничество¹⁷;

- антропологический «пылесос», действующий как вовне, так и внутри территорий, аккумулируя представителей специфических сообществ и психологических типов (фанатизм, идеализм, инфантилизм, адреналиновая зависимость, асоциальные наклонности), экспортируя в реверсном режиме социальный травматизм;

- криминализация, контрабанда, контрафакт, наркотрафик, торговля людьми и оружием;

- различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека, замещение в социальном регулировании конвенции насилем;

- гендерные эксцессы¹⁸;

¹⁷ «Буквально несколько дней тому назад, был подвергнут зверским издевательствам один из командиров подразделений нашей бригады. <...> Офицер был подвергнут пыткам, сродни гестапо! После освобождения из застенков доблестных армейцев, он был еле живой. Применялся даже электрический ток! ...на место происшествия прибыл аж целый заместитель начальника штаба бригады! Некий “Паша бандит” – позывной говорит сам за себя... Гражданин прибыл в абсолютно пьяном состоянии! (после зарплаты, в армии ЛНР это закономерно, тем более, что в эти подразделения в основном уходили те, кого выгоняли за пьянки и не достойное поведение из наших... В связи с этим у меня возникает вопрос, так кто же всё-таки является бандформированием???)» – пишет командир бригады «Призрак» Алексей Мозговой (Антикор 2015; орфография и пунктуация автора сохранены).

¹⁸ 25 октября 2014 г. в подконтрольном ЛНР Алчевске состоялся «народный суд» под председательством Алексея Мозгового над двумя мужчинами, подозреваемыми в изнасиловании 15-летней и 13-летней девочек, в ходе которого около 300 жителей города путем поднятия руки проголосовали за смертный приговор через расстрел одному из мужчин, а другого приговорили к отправке на линию фронта, чтобы он мог «искупить свою вину и умереть с честью». В ходе данного заседания Мозговой заявил: «Пускай даже юридическая общественность заявит, что это несовершеннолетняя форма с точки зрения юриспруденции, но зато это совершенная форма народовластия. Сегодня у вас есть первый шанс действительно проявить себя как активное гражданское общество с активной позицией и правом слова». Тогда же Мозговой сказал, что «патрулю будет дан особый приказ –

- психологическая и санитарно-эпидемиологическая дестабилизация, экологические угрозы;
- беженцы и переселенцы.

Исторические трансформации чреватые как появлением иного порядка, так и системной хаотизацией. Те или иные формы соматизации можно наблюдать в разных местах планеты. Кризис переживают многие территории, захваченные культурой «модернити», но симулировавшие институты национального государства без воссоздания его основы – гражданского общества. Список же наиболее проблемных ареалов – летопись перипетий национального строительства, он включает САДР, Азавад, Восточное Конго, Дарфур, Сомалиленд, Газу, Азад Кашмир, Вазиристан, «зону племен» в Пакистане, Ва, Шан – на севере Маньямы, «золотой треугольник» на Индокитайском полуострове, другие «золотые земли» и т. д.

Траектории будущего сопряжены с критическими обстоятельствами, ставя под сомнение привычные ориентиры. Бурлящее многолюдье корректирует сценарии футур-истории, используя опыт поколений, но руководствуясь собственной аксиологией. Во взаимосвязанном мире региональные турбулентности способны вызывать каскадные процессы, вовлекая возрастающее число участников и предвещая радикальные перемены.

Библиография

- Антикор 2015.** Очередные откровения о жизни в ЛНР от Мозгового. *Антикор* 6 мая. URL: http://antikor.com.ua/articles/40295-ocherednye_ot_krovenija_o_hizni_v_lnr_ot_mozgovogo.
- Головкин В., Петропавловский Е. 2010.** Орден ассасинов. *Наука и техника* 11(54): 73–80.
- Земсков В. Н. 1995.** К вопросу о масштабах репрессий в СССР. *Социологические исследования* 9: 118–127.

всех девушек арестовывать, которые будут находиться в кабаках», отметив, что «женщина должна быть хранительницей очага, матерью. А какими матерями они становятся после кабаков?» (Кихтенко 2016).

- ИТАР-ТАСС 2015.** Эксперты: около 30 тыс. наемников из 86 стран воюют на стороне ИГ. *ИТАР-ТАСС* 9 декабря. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2510144>.
- ИТАР-ТАСС 2018.** Пентагон признает победу над ИГ, когда она не сможет совершать атаки на США и союзников. *ИТАР-ТАСС* 5 апреля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5099710>.
- Кихтенко О. 2016.** Мозговой Алексей Борисович. *Час Пик* 25 июля. URL: <http://vchaspik.ua/biography/394420-mozgovoy-aleksey-borisovich>.
- Конституция.** Основной закон Союза Советских Социалистических Республик. 1924. М.
- Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936.** М.: Гослитиздат.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 2: 88–99.
- Неклесса А. И. 2015.** Сердце тьмы. Травматическая инклюзия. *Актуальные проблемы экономики и права* 2(34): 280–295.
- Неклесса А. И. 2018.** Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полис. Политические исследования* 1: 80–95.
- Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. (Сост.) 2007.** «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. *30 октября* 74: 1, 3–7.
- Радио Ватикана 2015.** «Там, где нет памяти, зло все еще держит рану открытой». Обращение Папы Франциска к армянскому народу. *Радио Ватикана* 13 апреля. URL: http://ru.radiovaticana.va/news/2015/04/13/обращение_папы_франциск_к_армянскому_народу/1136350.
- Радио Свобода 2015.** Северный Кавказ: старые новые проблемы? *Радио Свобода* 30 декабря. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27458041.html>.

-
- Холзода Н. 2015.** От России до «Исламского государства» – чем «промывают» мозги мигрантам? *Радио Озоди* 15 июля. URL: <http://rus.ozodi.mobi/a/27129082.html>.
- Cottee S. 2015.** The Challenge of Jihadi Cool. *The Atlantic* December 24. URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/isis-jihadi-cool/421776/>.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M. A., Ivanov E. A. 2016.** Afrasian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution and History* 15(2): 120–140.